

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Д. Х. Ибрагимова

Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы¹

ИБРАГИМОВА Дилъра Ханифовна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой экономической социологии департамента социологии, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: dibragimova@hse.ru

В многочисленной литературе, посвящённой анализу процессов, образующих триаду «деньги — власть — неравенство», понятию «власть» отводится основная роль, что с причинно-следственной точки зрения объяснимо и закономерно. Если же субъектом изучения является семья (домохозяйство)², то исследование указанных процессов дополняется (осложняется) тем, что в них всегда участвуют представители разного пола, как биологического, так и социально-культурного (гендера). А большинство исследователей, занимающихся гендерной проблематикой, солидарны в том, что гендерные отношения — это отношения власти. В чём состоит специфика семейных властных отношений и как они взаимосвязаны с управлением деньгами? Поиску ответа на этот вопрос посвящена данная статья, цель которой состоит в определении основных направлений исследований, связанных не только с концептуализацией указанных понятий, но и частично с их эмпирической операционализацией. В первой части обзора рассматриваются модели власти, предложенные С. Льюксом, М. Фуко, П. Бурдьё, обсуждаются вопросы, связанные с дефинициями понятия «финансовая власть», и способы её операционализации применительно к семейным отношениям. Во второй части рассматриваются экономические и социологические концепции, которые выявляют и объясняют детерминанты властных отношений. Третья часть статьи посвящена анализу происходящих ныне изменений в гендерном порядке и их возможном влиянии на композицию властных функций в семье.

Ключевые слова: власть; гендер; деньги; неравенство; домохозяйство; социология финансового поведения.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-01-0066) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² Здесь необходимо пояснение. Домохозяйство, как правило, определяется через совместность проживания и расходов на ведение домашнего хозяйства, а семья — через отношения родства, брака или зависимости. Если семья проживает на одной площади, то её границы могут совпадать с границами домохозяйства, однако часто эти конфигурации не соответствуют друг другу. В данном случае под семьёй (домохозяйством) мы подразумеваем так называемую экономическую семью, то есть группу людей, объединённых родственными отношениями, совместно проживающих и делящих расходы на питание, коммунальные услуги и другие нужды. Подчеркнём, что мы говорим не о совместном ведении бюджета, то есть не о том, как делятся расходы, а о том, что у семьи есть общие расходы.

Введение

Равенство и (или) неравенство мужчин и женщин — давняя проблема (как социальная, так и исследовательская), в которой можно выделить три основных направления, различающихся по степени изученности в литературе [Ferree 1990]: (1) занятость на рынке труда; (2) распределение домашних обязанностей; (3) контроль над семейным бюджетом. И если вопросы, связанные с гендерной дискриминацией в трудовых отношениях (как внутри домохозяйства, так и вне его), давно привлекают внимание исследователей, то проблемы распределения финансовой власти внутри семьи, экономической зависимости и финансовой депривации одного из супругов (особенно если речь идёт не о повседневных расходах, а о сбережениях, инвестициях и кредитах) относительно недавно вошли в поле зрения социологов.

Принято считать, что вследствие более длительного существования в России, чем в западных странах, традиции женской занятости, а также декларируемого принципа равенства полов во всех сферах, истоки которого относятся к советскому периоду, российские семьи в большей степени, чем, к примеру, британские или американские, придерживаются системы общего пула в управлении финансами. Например, в исследовании С. Кларка говорится о том, что более 80% российских домохозяйств привержены системе общего или частичного пула управления деньгами, на основании чего делается вывод о культурной укоренённости российских практик совместного управления семейными финансами даже при одном работающем супруге [Clarke 2002]. Однако уже в наших предыдущих исследованиях [Ибрагимова 2012; Ibragimova, Guseva 2016] эта цифра была значительно скорректирована, и говорить о гомогенности практик управления семейными финансами не приходится: эгалитарной модели управления бюджетом придерживаются около половины семей (46%); четверть семей идентифицируют сложившуюся у них систему с женским управлением, 23% — с мужским. Вместе с тем совместное управление финансами необязательно означает общее главенство супругов в семье. Например, данные показывают, что только 41% респондентов, выбравших систему общего пула, и 45% сторонников частичного пула указали, что их в равной степени с супругом (супругой) можно назвать главой семьи, при этом половина как мужчин, так и женщин в этих семьях признают первенство мужа. Одновременно даже в семьях с доминирующей ролью жены в управлении бюджетом треть женщин называют мужа главой семьи, а почти 60% мужчин согласны с ними в этом. Предварительный анализ глубинных интервью, проведённых в 2013 г. в 92 семьях (с каждым из супругов в отдельности), показывает, что, когда речь заходит о крупных покупках, долгосрочном финансовом планировании (в том числе о кредитах и сбережениях), эгалитарные принципы отступают — слово мужа оказывается весомее. Отсюда возникает вопрос: если говорить о финансовой власти в целом, а не только о практиках управления деньгами, то кому принадлежит власть в российских семьях? Чтобы ответить на него, надо концептуализировать не только само понятие «власть» (в том числе финансовая) применительно к семейной сфере, но и понятие «гендер», на основе которого формируются социальные ожидания и паттерны семейно-властных отношений.

Цель настоящего обзора состоит в определении основных направлений исследований, связанных не только с концептуализацией указанных понятий, но и частично с их эмпирической операционализацией. В первой части обзора рассматриваются модели власти, предложенные С. Льюксом, М. Фуко и П. Бурдьё, обсуждаются вопросы, связанные с дефинициями понятия «финансовая власть», и способы её операционализации применительно к семейным отношениям. Во второй части мы обращаемся к экономическим и социологическим концепциям, которые выявляют и объясняют детерминанты властных отношений. Третья часть статьи посвящена анализу изменений, ныне происходящих в гендерном порядке, и их возможному влиянию на композицию властных функций в семье.

Власть

Власть как асимметрия: модель С. Льюкса

В литературе существуют различные определения власти, но большинство из них основываются на веберовской традиции, объясняющей власть через конфликт, господство и подчинение. После издания книги С. Льюкса [Lukes 1974] стало общепринятым выделять три основные интерпретации («взгляда») власти в рамках данного подхода [Ледяев 1998: 79].

Первый уровень, или «одномерный взгляд», как определяет его С. Льюкс, подразумевает, по Р. Далю, «нечто такое: *A* обладает властью над *B* в такой степени, в какой он может заставить *B* сделать нечто, что *B* иначе не сделал бы» (цит. по: [Lukes 1974: 12]). Акцент здесь делается на изучении конкретного, наблюдаемого поведения, а именно на том, как пишет Н. Полсби, «кто в действительности побеждает при принятии решений» [Lukes 1974: 12]. Это означает, что принятие решений по ключевым вопросам предполагает наличие действительного открытого конфликта, который является «обязательным элементом властных отношений и служит основанием для его фиксации» [Ледяев 1998: 79]. Речь идёт о конфликте между субъективными интересами, понимаемыми как предпочтения, которые являются сознательными, демонстрируются в действиях и, таким образом, выявляются [Lukes 1974: 14]. Такое измерение можно назвать «открытая, явная власть» (*overt power*).

Критикуя данный подход за его ограниченность, американские исследователи П. Бахрах и М. Барац предложили «двумерный взгляд» на власть (по терминологии С. Льюкса), который предполагает «изучение процесса как принятия решений, так и непринятия решений» [Lukes 1974: 18]. Непринятие решения — это тоже «решение, результатом которого, как указывают П. Бахрах и М. Барац, становится подавление скрытых или явных вызовов ценностям и интересам того, кто принимает решение, или воспрепятствование возникновению таких вызовов» (цит. по: [Lukes 1974: 18]). В данном случае может не наблюдаться открытого конфликта интересов, а иметь место скрытое (*covert*) недовольство, вызванное тем, что потенциально спорные вопросы выводятся из разряда обсуждаемых.

С. Льюкс, отдавая должное двумерной концепции власти как большому шагу вперёд по сравнению с одномерной, тем не менее считает ее недостаточно адекватной и предложил трёхмерный взгляд: «*A* может осуществлять власть над *B*, заставляя его делать то, чего он делать не хочет, но *A* также осуществляет власть над *B*, оказывая на него влияние, формируя и определяя сами его желания» [Lukes 1974: 23]. Иными словами, отсутствие недовольства, даже скрытого, не означает ещё существование «подлинного» консенсуса относительно господствующей системы ценностей. Наблюдаемый консенсус может быть ложным, достигнутый путём проявления «высшей <...> наиболее эффективной и коварной» формы власти, когда людям возбраняется «<...> в какой бы то ни было степени испытывать недовольство путем формирования у них <...> таких предпочтений, которые обеспечивают принятие ими своей роли в существующем порядке вещей, поскольку они не видят и не могут представить какой-либо альтернативы, или потому, что воспринимают эту роль как естественную и неизменную или оценивают её как богоустановленную и благотворную» [Lukes 1974: 24]. В данном случае наблюдаемый или потенциальный конфликт может и отсутствовать, но наличествует латентный конфликт, заключающийся «в противоречии между интересами осуществляющих власть и реальными интересами тех, кто оказывается исключённым из процесса» [Lukes 1974: 24–25]. Реальные интересы, по Льюксу, это то, «что люди желали и что бы предпочитали, если бы могли делать выбор» [Lukes 1974: 34], то есть в условиях «относительной автономии», когда над ними не тяготеет власть. Однако люди «часто не знают своих реальных интересов или имеют ошибочные представления о них, так как их предпочтения могут быть сформированы субъектом власти» [Ледяев 1998: 81]. В этом также состоит отличие взгляда на власть «одномерного» от «двумерного», где термин «интересы» трактуется как осознанные желания (предпочтения), которые могут обнаруживаться открыто либо в искажённой или скрытой форме.

Понимание «реальных» интересов в концепции С. Льюкса является наиболее уязвимым, на что указывали многие исследователи. По мнению Э. Брэдшоу, процедура, предложенная Льюксом для определения «реальных» интересов, ведёт лишь к кристаллизации каких-то иных предпочтений, а об «относительной автономии» объекта говорить сложно, поскольку в данном случае совершенно не исключается возможность контроля со стороны других субъектов [Bradshaw 1976: 121]. Положение о расхождении идеологически сформированных и реальных интересов также довольно спорно, поскольку не ясно, как выявить реальные интересы обделённых властью индивидов (например, членов семьи), если они не выражаются ни открыто, ни подспудно — в форме сожаления или недовольства существующим положением дел [Benton 1991; Brannen, Moss 1991].

Во втором издании книги, вышедшем в 2005 г. и дополненном двумя новыми частями, С. Льюкс, отвечая на критические замечания, развивает и уточняет аргументацию своей концепции. Отстаивая утверждение, что существует эмпирическая основа для выявления реальных интересов и что это выявление — «дело не *A*, но *B*, который осуществляет выбор в условиях относительной автономии», он говорит о том, что реальные интересы необходимо «считать просто функцией цели, структуры и методов объяснения, которые, в свою очередь, должны быть обоснованы <...> Если кто-то ищет “материалистическое” объяснение, скажем, классового компромисса в условиях капитализма, тогда реальными интересами будут материальные интересы. Если выбор под давлением хотят объяснить в рамках рационального выбора, тогда реальные интересы будут означать “наилучшие интересы” индивидов <...> Или же реальные интересы можно понимать как путь к обнаружению основных или центральных способностей и качеств, которым не соответствуют и мешают существующие установления. Изоляция женщин в Северной Индии, которые “лишь выглядывают из своих домов и не принимают никакого деятельного участия в жизни мира”, несовместима поэтому с полноценным человеческим существованием» [Lukes 2005: 148–149].

Таким образом, можно зафиксировать следующее: понятие «власть» в рамках данного подхода характеризует асимметричные социальные отношения, которые подразумевают способность и возможность одних оказывать воздействие (подчинить) на поведение и (или) сознание (установки, ценности, ожидания) других; при этом наличие конфликта не является обязательным атрибутом власти.

Власть как «тотальность» (М. Фуко) и символическая власть (П. Бурдьё)

Ещё один подход к концептуализации «скрытой» власти лежит в использовании понятия «дискурс» и применении его к исследуемой проблеме [Foucault 1994]. Иногда концепцию М. Фуко называют «четвёртым лицом власти», поскольку власть, по его мнению, находится везде, не потому что она охватывает всё, а потому что исходит отовсюду [Ледяев 2001: 54]. Власть существует как фон, как «тотальность», структурирующая поле деятельности людей и — тем самым — их подчиняющая. Дискурс рассматривается как предзаданный связанными между собой установками и практиками способ мышления, который исключает альтернативные способы понимания и сужает круг того, что мыслится или говорится о рассматриваемом предмете, и поэтому обладает властной силой и властным ресурсом. «Власть — это не просто отношения между партнёрами, это способ, в соответствии с которым одни действуют на других» [Foucault 1994: 340]. В этом плане дискурс работает и как идеология, именно потому что представляет существующее распределение власти естественным и неизменным порядком вещей.

Применительно к нашей проблематике важным выводом из такой постановки вопроса является соображение о том, что интересы супругов не задаются заранее, а всегда формируются дискурсом. (Так, например, домохозяйства, члены которых воспитаны на идеологии кормильца семьи, признают естественным его право распоряжаться финансами семьи и при необходимости перераспределять их в

свою пользу.) Вместо трудноразрешимого в операциональном плане вопроса о выявлении отклонений «реальных» интересов от идеологически сформированных концепция дискурса рассматривает все интересы в качестве следствия той или иной идеологии. Противостояние власти требует соответственно существования конкурирующего дискурса, который обеспечивает альтернативную позицию.

С подходом, трактующим реальность как естественный порядок вещей, сопряжена и концепция «символической власти» П. Бурдьё. Такая власть, по его определению, является «невидимой» и «может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей или даже сам её осуществляет» [Бурдьё 2007а: 88]. Он называет её властью «конструирования мира» (в английском переводе — *world-making*), когда мир и любые отношения в нём меняются через их видение и восприятие (перформативный дискурс), характеризует как власть «сохранять или трансформировать имеющиеся классификации в отношении рода, наций, регионов, возраста и социального статуса, — и всё это при помощи слов, используемых для обозначения или описания индивидов, групп или институций» [Бурдьё 2007b: 83]. Это возможно потому, что такое «символическое доминирование действует не на чистую логику, что привычно для познающего сознания, а на практические схемы габитуса, куда вписаны отношения доминирования, часто недоступные для рефлексивного сознания и волевого контроля» [Бурдьё 2005: 301]. Габитус, представляющий собой структурированную и структурирующую систему диспозиций, не только порождает практики, но и «производит структуры мира и тела, имеющие определенную половую принадлежность» [Бурдьё 2005: 303]. «Мужские и женские тела <...> в силу того, что конденсируют в себе различия между полами <...> воспринимаются и конструируются в соответствии со схемами габитуса и, таким образом, становятся исключительной символической опорой значений и ценностей» [Бурдьё 2005: 311]. Иными словами, социальное конструирование пола происходит через определенный габитус, то есть специфические практики, представления и установки. В этом смысле габитус, по точному замечанию Е. Мещеркиной, «выступает в качестве инструмента этнометодологической концепции половых практик (*doing gender*³), порождая различные перформативные формы и маскулинностей, и феминностей» [Мещеркина 2002: 17].

Финансовая власть в семье

В одной из своих ранних работ Ж. Пал проводит различие между терминами *control* (контроль), *management* (менеджмент) и *budgeting* (бюджетирование) [Pahl 1983: 244].

Под термином *control* подразумевается принятие решений о том, какой тип финансового управления будет в семье, за кем последнее слово по крупным финансовым решениям, кто имеет доступ к общему бюджету и т. д. Исходя из такого содержания, контроль в большей степени связан с одним из проявлений властных функций.

Под термином *management* подразумевается введение в действие уже принятой системы управления финансами, то есть суть его заключается в определении сумм и статей расходов (сколько и на что будет потрачено).

Budgeting касается определения расходования денежных средств внутри той или иной статьи. Поскольку дословный русский перевод упомянутых терминов не вполне точен, то правомерно, на наш взгляд, *management* объяснить как стратегическое управление (отвечающее, например, на вопрос: «Сколько мы потратим на еду, а сколько — на одежду?»), а *budgeting* — как тактическое управление («Что именно из еды мы купим на эти деньги?»). Следует отметить, что здесь возникает ещё одна концептуальная развилка.

³ Подробнее об этой концепции речь пойдёт ниже.

Дело в том, что и управление (то есть *budgeting and management*) можно рассматривать как власть, если использовать этот термин в значении «власть для», «власть сделать что-то» (*power to do something*). Одной из характеристик «власти для» является, по мнению В. Ледяева, то, что «субъект достигает своей цели», то есть «фактически “власть сделать что-то” есть не что иное, как “способность сделать что-то”» [Ледяев 1998: 89]. Действительно, управление, в том числе и семейными расходами, подразумевает конкретный результат. Часто семьи, объясняя, как осуществляется управление деньгами, ссылаются на то, что, например, один из супругов аккуратен и расчётлив, а другой — транжира; один любит и может заниматься финансовыми вопросами, и у него это лучше получается, а другой ненавидит всё, что с ними связано, и т. д. В то же время, как отмечалось нами ранее, практики управления деньгами далеко не всегда симметричны паттернам контроля, которые, безусловно, ассоциируются с (финансовой) властью, но понимаемой уже, скорее, в значении «власть над» (*power over*). Хотя контроль и управление тесно взаимосвязаны, необходимо всё же различать эти понятия, то есть не объединять «власть для» и «власть над». «Власть над», однако, не всегда предусматривает достижение желаемого результата: как контроль родителей над выполнением уроков детьми зачастую не приводит к высокой успеваемости последних [Ледяев 1998: 90], так и контроль одного из супругов над статьями семейного бюджета может не приводить к реализации цели (например, к экономии денег), если другой партнёр будет «уходить» от контроля, сохраняя некоторую независимость.

Говоря о финансовой власти, необходимо учитывать и ее направления. Иными словами, не все вопросы, связанные с деньгами (и, соответственно, решения, (не)принимаемые по ним) имеют одинаковый вес. Психологи выделяют несколько критериев классификации решений в домохозяйстве: (а) уникальность; (б) издержки; (с) символическое значение в целом; (д) последствия для отдельных и (или) всех членов домохозяйства [Kirchler 1995: 397]. Соответственно, вопросы и принимаемые по ним решения могут быть стратегически важными и менее значимыми, неся различный потенциал недовольства и (или) конфликта. При этом тактика воздействия супругов друг на друга различна в зависимости от степени удовлетворённости супругов характером своих отношений [Kirchler et al. 2001]. Однако механизм реализации властных отношений в семье по поводу денег может различаться и в зависимости от существующего типа управления бюджетом. Так, например, система фиксированного управления семейным бюджетом закрепляет ту структуру распределения денег, в контексте которой принимаются решения о расходах. В этом случае потенциально спорные вопросы исключаются из переговорной повестки дня [Vogler, Lyolette, Wiggins 2008].

Осмысливая различные подходы, попытаемся концептуализировать понятие «финансовая власть в семье». На наш взгляд, это не только способность субъекта оказывать влияние (подчинять) на поведение и (или) установки и ценности объекта, осуществляя в том числе контроль над значимыми расходами, но и способность объекта «уходить» от контроля и сохранять некоторую независимость (автономию). И в этом смысле властные отношения корректнее будет определить как квазисимметричные, нежели асимметричные.

Власть в семье: операционализация в эмпирических исследованиях

К настоящему времени выработаны определённые подходы к операционализации концептуальных подходов понимания власти применительно к домохозяйству. В работах А. Комтер была впервые обоснована идея использования для анализа семейных властных отношений модели Льюкса о трёхуровневом проявлении и измерении власти [Komter 1989; 1991]. А. Комтер, опираясь на концепцию Льюкса, отклоняет понятие «реальные интересы» и не пытается эмпирически определить, «какая часть сознания респондентов отражает их подлинные убеждения», но задается целью выявить субъективные предпочтения супругов в условиях гипотетической автономии (то есть возможные альтернативы), а также механизмы, определяющие эти предпочтения [Komter 1989: 190].

Ценность работы А. Комтер состоит, на наш взгляд, в том, что она попыталась операционализировать в эмпирическом исследовании трёхмерную концепцию власти С. Льюкса применительно к семейным отношениям. Явная власть (*manifest power*), которую Льюкс называл *overt power*, рассматривается ею через попытки внесения изменений в те или иные сферы семейной жизни, частоту и выраженность конфликтов, а также в стратегии, используемые мужчинами и женщинами для осуществления или предотвращения изменений. Скрытая власть (*hidden, latent power*), называемая Льюксом *covert power*; идентифицируется через наличие такого желания или же его отсутствие, вызванное ожиданиями негативной реакции партнёра или страхом разрушения семейных отношений. Невидимая (*invisible*), или, по Льюксу, латентная, власть (*latent power*) определяется как результат действия социальных и психологических механизмов, которые не выражаются во внешнем поведении или скрытом недовольстве, но могут проявляться в систематических гендерных различиях, в уважении себя и супруга, а также в восприятии повседневной реальности [Komter 1989: 192]. На основе глубинных интервью 60 пар из г. Неймеген (Нидерланды) автор приходит к выводу, что явная и скрытая власть («одномерная» и «двумерная» — в терминологии С. Льюкса) в семейных отношениях смещена в сторону мужчин. А латентная власть («третье измерение») базируется на принятии гендерной идентичности как естественной и неизменной, что усиливается ещё и идеологически. Этот идеологический фундамент неравенства между мужьями и жёнами отражает культурно и социально сформированные нормативные модели гегемонии⁴ (в частности, гегемонной маскулинности), которые можно считать более общими характеристиками власти в гендерных отношениях. «Сама концепция гендера с его иерархией ценностей, символов, убеждений и статусов является краеугольным камнем гендерного неравенства» [Komter 1989: 213–214].

К. Воглер, чей вклад (вместе с Ж. Пал) в изучение проблем управления деньгами в семьях весьма значителен⁵, рассматривает концепцию С. Льюкса в триаде «деньги — власть — неравенство». Она отмечает, что скрытая власть («второе измерение», по Льюксу) применительно к домохозяйству может выражаться в неизменности уже установленной структуры бюджета, то есть определенные статьи расходов не обсуждаются [Vogler 1998: 698]. Власть может реализовываться ещё менее явным образом в том случае, если используется влияние идеологии, с помощью которой существующее положение дел представляется как естественный порядок, легитимность которого не может быть подвергнута сомнению, вследствие чего искусственно сужается число имеющихся альтернатив действия. Именно наличием широко распространённой в обществе идеологии, которая приписывает роль кормильца семьи мужчине, К. Воглер объясняет выявленную асимметрию власти в семье.

Дж. Браннен и П. Мосс расширяют концептуальные рамки третьего измерения власти С. Льюкса, пытаясь эмпирически провести границы между «ложным» и «истинным» консенсусом. Они задаются вопросом: как различить формы идеологии, свободно выбираемые людьми в качестве источника власти («власти для» — *power to do*), и те, что используются как основа для контроля и подчинения

⁴ А. Комтер опирается на тезис об идеологической гегемонии Антонио Грамши («Тюремные тетради»), который, находясь в фашистской тюрьме и осмысливая неудачу революции на Западе, задался вопросом: чем обеспечивается согласие с капиталистической эксплуатацией в современных условиях, в частности, в условиях демократии? Существуют различные интерпретации ответа Грамши на этот вопрос. Одни исследователи говорят о культуре и идеологии, другие — о некоем психологическом состоянии, обуславливающем принятие (необязательно явное) существующей ситуации, третьи — о материальных интересах господствующих и подчиненных групп. А. Комтер руководствуется идеологической интерпретацией и соглашается с тем, что идеология является гегемоном, когда она демонстрирует три характеристики: (1) стала частью повседневного мышления; (2) поддерживает социальную сплочённость путём представления существующих противоречий как единого целого (маскировка противоречий); (3) отсутствие реального выбора (идеология трактуется необходимость как свободу, в результате чего особые интересы господствующих групп воспринимаются как общие и свободно принимаются подчинёнными группами). Выявление этих характеристик в представлениях мужчин и женщин даёт возможность говорить об идеологическом фундаменте власти в гендерных отношениях [Komter 1989: 191].

⁵ См. подробнее: [Ибрагимова 2012].

(«власти над» — *power over*)? Ответ заключается в том, что во втором случае неизбежно появляются некоторые формы недовольства и неудовлетворённости, хотя и смутно формулируемые [Benton 1991; Brannen, Moss 1991; Barker, Roberts 1993]. В контексте управления деньгами в семье идеология мужчины-кормильца может быть для многих жён не свободно осуществляемым выбором — в том случае, если наблюдается неудовлетворённость, проявляющаяся в отсутствии личных денег, в просьбах об их предоставлении, в том, что женщины не чувствуют себя вправе тратить деньги на себя даже из общего пула [Vogler 1998: 700]. О существовании латентной власти в семье можно говорить, по мнению К. Воглер, тогда, когда один из партнёров (или оба) испытывают неудовлетворённость какими-то аспектами своих отношений, но не может представить их изменения [Vogler 1998: 703; Vogler, Lyolette, Wiggins 2008].

Исследования, основанные на анализе глубинных интервью, показывают, что существуют как минимум два конфликтующих дискурса касательно денег и власти в семье. С одной стороны, дискурс равенства, базирующийся на том, что брак — это союз равных людей, и, соответственно, все деньги домохозяйства должны делиться поровну независимо от личного вклада каждого супруга, что подразумевает равную ответственность за принятие финансовых решений. С другой стороны, многими парами активно выстраивается патриархальный дискурс, согласно которому мужчина является кормильцем семьи и обладает всей полнотой контроля за бюджетом домохозяйства [Burgoyne 1990; Kenney 2006; Ibragimova, Guseva 2016]. В этом случае, по мнению К. Воглер, выделенные ранее типы управления деньгами в семье [Pahl 1983] можно концептуализировать как различные пути разрешения противоречий между конфликтующими дискурсами в домохозяйстве [Vogler 1998: 702]. Например, система фиксированного бюджета на ведение домашнего хозяйства (*housekeeping allowance system*) обуславливается не только участием женщины на рынке труда (неполная занятость или отсутствие ее), но и дискурсом кормильца семьи, который легитимирует гендерное неравенство в пользу мужчины при принятии решений, что зачастую приводит и к асимметрии в стандартах уровня жизни. В том же случае, когда доходы супругов примерно одинаковы, столкновение конкурирующих дискурсов и (или) идеологий может играть ключевую роль в вопросах распределения власти [Vogler 1998: 707].

Весьма интересной представляется идея К. Воглер о том, чтобы рассматривать власть в семье, в том числе финансовую, в широком политическом дискурсе, в рамках которого домохозяйства предстают как «мини-политические системы, где способы управления бюджетом выступают как различные формы политической демократии» [Vogler 1998: 705]. Так, сегрегированные системы управления деньгами, где контроль за бюджетом принадлежит одному из супругов, можно в значительной степени, по мнению К. Воглер, сравнить с моделью либеральной демократии (*liberal democracy*), а систему общего пула — с демократией участия (*participatory democracy*). Как замечает А. Филлипс, проблема либеральной демократии состоит в том, что формальное равенство не означает равного участия в принятии политических решений, и некоторые вопросы выводятся за пределы повестки дня, а механизм политического воздействия закрепляет ранее существовавшее неравенство позиций [Phillips 1993]. Проблема же демократии участия состоит в том, что люди могут сами исключать себя из какой-то деятельности. Например, исследования показывают, что женщины ограничивают свои личные расходы при системе общего пула, не чувствуя себя вправе тратить деньги на собственные нужды, поскольку рассматривают их не как «свои», а как общие [Burgoyne 1990; 2008; Ashby, Burgoyne 2008].

Деньги и гендер

Обращение к концептам «гендер» и «деньги» вызвано поиском ответа на вопрос, от чего зависит распределение финансовой власти в семье. Этот поиск выводит нас на несколько объяснительных концепций, предложенных в экономической и социологической науках.

Экономические концепции

Говоря об экономических концепциях, следует начать с ресурсной теории, которая связывает характер властных отношений с индивидуальными ресурсами: тот супруг, чей доход является большим (главный добытчик семьи), играет доминантную роль в принятии финансовых решений (ресурсная теория [Blood, Wolf 1960]). Деньги в данном случае рассматриваются исключительно как сумма получаемого дохода, поэтому жёны, имеющие оплачиваемую работу, также обладают большей властью в семье по сравнению с неработающими, причём власть положительно зависит от продолжительности работы. Поскольку в 1960-е гг. тенденция увеличения женской занятости была очевидной, сделан вывод о том, что вход женщины на рынок приведёт к росту равенства во внутрисемейных отношениях.

На базе ресурсного подхода развивается теория максимизации полезности или рационального выбора, наиболее полно представленная в «экономике семьи» Гэри Беккера. «Поскольку отдача инвестиций в навыки и умения тем больше, чем дольше время, в течение которого они используются, супружеская пара может гораздо больше выигрывать от четкого разделения труда, потому что в этом случае муж будет специализироваться на накоплении одних видов человеческого капитала, а жена — на накоплении других» [Беккер 2003: 600]. При этом специализация необязательно вытекает из биологических различий между мужчинами и женщинами: теория акцентирует внимание не на этом, а на степени эффективности каждого из партнёров (к примеру, в ведении домашнего хозяйства, проведении досуга, при покупке каких-либо товаров и принятии решений по соответствующим вопросам) независимо от пола. Некоторые исследователи называют это экспертной властью, то есть знания, опыт, практики кого-либо из партнёров в той или иной сфере являются основанием для принятия решений с наилучшим результатом [Raven, Centers, Rodrigues 1975].

Ещё один подход к объяснению распределения и управления деньгами в семье предлагается в «переговорных моделях» (*bargaining models*), в которых семья рассматривается как кооперация индивидов с конкурирующими интересами, заключающими между собой «отношенческий контракт», а сам брак — как «кооперативная игра»⁶. При этом особое значение придается влиянию альтернативных вариантов и «точек угроз» (например, разлад отношений, развод) на внутрисемейное распределение доходов [Поллак 1994]. Из этого следует, что типы управления деньгами в семьях можно объяснить как результат минимизации транзакционных издержек в рамках поддержания долговременных рискованных отношений. В таком случае при осуществлении «вложений», направленных на поддержание семейных отношений (*relationship-specific investments*), например, рождение детей, коллективные модели финансового менеджмента более вероятны. И, наоборот, уклонение от таких «инвестиций», которое может интерпретироваться как попытка сохранения индивидуальной автономии и облегчение завершения отношений, повышает вероятность независимого управления деньгами [Treas 1993; Treas, Tai 2012]. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что к такой «индивидуализированной» системе финансовых отношений более склонны пары, проживающие в гражданском браке [Elizabeth 2001; Heimdal, Houseknecht 2003; Vogler 2005; Burgoyne et al. 2007; Ashby, Burgoyne 2008], а также те, в которых хотя бы один из партнёров имеет опыт развода [Burgoyne, Morison 1997; Heimdal, Houseknecht 2003]. В то же время, поскольку в рамках переговорных моделей семья рассматривается как организация с внутренней институциональной структурой, на переговорные позиции партнёров влияет не только наличие детей, но и их количество, а также наличие других взрослых членов домохозяйства. Было установлено, что с увеличением количества детей переговорные позиции женщины ухудшаются и повышается вероятность мужского доминирования в принятии финансовых решений

⁶ Собственно, теория игр является методологической основой этих переговорных моделей брачных отношений. Кооперативной называют игру, в которой «участники обладают полной свободой заключать взаимообязывающие предварительные соглашения»; игра считается некооперативной, если «абсолютно все предварительные соглашения запрещены» [Поллак 1994: 63].

(«последнее слово» — *«final say»*) [Ott 1992; Dobbelsteen, Kooreman 1997]. Сложная структура домохозяйства, наблюдаемая в многопоколенческих семьях, уменьшает значимость женского индивидуально-го дохода, что влияет на внутрисемейное распределение власти [Gummerson, Schneider 2013].

Социологические концепции

Принципиально иное теоретическое объяснение властных отношений в семье обнаруживается в рамках социологии гендера.

Вышеописанные экономические подходы с формальной точки зрения гендерно нейтральны, даже несмотря на то, что исходные условия (то есть заработки) и их последствия (распределение домашних обязанностей, принятие финансовых решений, управление деньгами и т. д.), безусловно, дифференцированы по полу [Brines 1994: 654]. С одной стороны, вследствие существующего гендерного неравенства на рынке труда рыночные позиции женщин оказываются заведомо слабее мужских, а с другой — во внутрисемейных отношениях (и не только) существуют механизмы, компенсирующие влияние ресурсного фактора.

Само понятие «гендер» базируется на отрицании биологического детерминизма в отношении различий полов. При этом гендер может коррелировать с полом, но не «по определению», а являясь его «культурно установленным коррелятом» [Goffman 1976: 69]. Гендер конструируется в процессе социального взаимодействия, являясь одновременно его результатом и источником. К. Уэст и Д. Зиммерман называют этот процесс созданием гендера (*doing gender*) и показывают, что такое «производство» происходит в обществе постоянно в любых ситуациях: «Гендерная принадлежность индивида — это не просто какой-то аспект его личности, но, более фундаментально, это то, что человек *делает*, и делает постоянно в процессе взаимодействия с другими» [Уэст, Зиммерман 2000: 210]. При этом приписывание пола происходит согласно правилам, принятым в данном обществе, и выражается, по Гоффману, в «гендерном дисплее» (*gender display*), то есть в повседневном проявлении своей идентичности. Исследователи подчёркивают, что дисплей не универсален, а культурно детерминирован: «Разные широты, разные истории, разные расы и социальные группы обнаруживают разные дисплеи, что затрудняет их сведение к биологическим детерминантам» [Здравомыслова, Тёмкина 2007: 24]. Одновременно гендер является не совокупностью личностных психологических черт, не ролью (поскольку роли ситуативны), а базовой всепроникающей идентичностью⁷. Иными словами, гендер — это «категория, подобная этничности, она точно также является контекстом исполнения конкретных ролей» [Здравомыслова, Тёмкина 2007: 28]. При этом люди так организуют свои множественные и разнообразные действия, чтобы эти последние отражали и выражали гендер, и ожидается, что они будут рассматривать поведение других в том же свете [Уэст, Зиммерман 2000: 194].

Соответственно, и внутрисемейные отношения несут огромную гендерную нагрузку, которая формирует определённые взаимные ожидания в плоскости повелевания — подчинения и определяет модель взаимодействия мужа и жены, в том числе и по поводу финансов. С этой точки зрения доступ супругов к денежным средствам домохозяйства и распределение властных функций могут порождаться не только соотношением приносимых в семью финансовых ресурсов, но и гендерным порядком, который регулирует символические проявления маскулинности и феминности. Создавая брачный союз, люди вносят в него не только свои материальные ресурсы, но и некоторые социально санкционированные

⁷ Именно за недооценку проникающей способности гендера К. Уэст и Д. Зиммерман критикуют И. Гоффмана, который полагает, что дисплей включаются в начале или в конце деятельности, работая как переключающий механизм (*scheduling*), но с самой деятельностью не смешиваются. Анализируя взаимодействия, исследователи показывают, что гендерный дисплей не только работает в моменты переключения видов деятельности, но пронизывает взаимодействия на всех уровнях. [Уэст, Зиммерман 2000].

договорённости о предоставлении друг другу возможности заявить и реализовать свои претензии на гендерную идентичность [Brines 1994: 654].

Иными словами, значимость индивидуального дохода каждого из супругов необходимо рассматривать во взаимосвязи с существующими установками относительно гендера. Именно культурно-историческими факторами, выражающимися в традиции считать мужчину кормильцем семьи, объясняется, почему доллар, заработанный женщиной, не равен доллару, заработанному мужчиной [Зелизер 2004], а рост индивидуальных заработков женщины не приводит к соответствующему увеличению размера ее финансовой власти в семье, проявляющейся на уровне принятия решений [Blumstein, Schwarts 1991]. Эмпирические исследования реверсивных по доходному статусу пар (*status-reversal couples*) опровергают логику ресурсного подхода и теорий рационального выбора, демонстрируя, что в таких семьях жёны часто осознанно делегируют право решающего слова и вето своим мужьям [Tichenor 1999]. Ситуация, когда жена зарабатывает больше мужа, является контрнормативной, поскольку противоречит социальным ожиданиям относительно роли мужчины-кормильца, и усиление женских властных позиций будет только способствовать дальнейшему их нарушению. В этих условиях поэтому гендерно обусловленные правила поведения демонстрируют своё преимущество: жёны компенсируют на уровне финансовой власти свою «аномальность», вызванную нетипичными в сравнении с мужчинами заработками. Иными словами, как только гендерные проявления выходят за пределы своей подотчётности или объяснимости (*accountability*⁸), их носители оказываются в ситуации «гендерной проблемы», которую можно решить путём нейтрализации девиантности (*deviance neutralization*). Интересное эмпирическое тестирование этого тезиса можно видеть, например, в исследовании Д. Шнейдера, который предлагает новое измерение гендерной девиантности, а именно гендерно атипичную занятость (*work in gender-atypical occupations*) мужчин и женщин. Используя данные общенациональных опросов американских домохозяйств, он приходит к выводу, что мужчины, которые заняты в женских профессиях на рынке труда, тратят больше времени в быту на выполнение мужских домашних обязанностей, и, наоборот, женщины с нетипичными для них профессиями в производственной сфере нейтрализуют свою девиантность выполнением исконно женских домашних обязанностей [Schneider 2012].

Концептуализация гендера в рамках теории социального конструктивизма как социального статуса, обладающего сквозным характером в практиках межличностного взаимодействия, логически приводит к отказу от концепции социальных (гендерных) ролей. Роли могут варьироваться в зависимости от ситуации, тогда как гендерная составляющая остаётся всегда. Содержательные же составляющие гендерной идентичности раскрываются, как правило, через категории маскулинности и феминности.

Социологическое понимание маскулинности, возникшее в ответ на рост в 1970-е гг. феминистских исследований, акцентировавших внимание на положении (чаще всего на дискриминации) женщин, связывается с работами австралийской ученой Рэйвин Коннелл. Маскулинность, рассматриваемая в рамках социологии гендера, не тождественна мужскому полу (хотя и касается позиций мужчин в обществе) и понимается Р. Коннелл как совокупность практик, при помощи которых люди (и мужчины, и женщины, хотя большей частью мужчины) выражают свои позиции и идентичность. При этом не существует универсальной (единой) маскулинности; напротив, есть иерархия различных видов маскулинности, каждый из которых конструируется в рамках социального действия. Соответственно, маскулинности меняются с течением времени; маскулинность имеет свою внутреннюю сложноподчинённую

⁸ Имеется в виду, что члены общества регулярно отчитываются друг перед другом (подотчётность является чертой социальных отношений), соответственно, и свои действия люди выстраивают с учётом того, как они будут интерпретированы, то есть с учётом того, как они будут выглядеть и как будут охарактеризованы воспринимающей стороной. Уэст и Зиммерман подчёркивают, что «“делать” гендер — это не всегда означает жить согласно нормативным представлениям о женственном или мужественном; это означает быть включённым в различные виды деятельности в условиях гендерной оценки» [Уэст, Зиммерман 2000: 206].

структуру, проявляется (чаще всего) коллективно и поддерживается институционально [Connell 2005]. Р. Коннелл сформулировала и концепцию «гегемонной маскулинности» (*hegemonic masculinity*), подразумевающую, что не тип человека и не свойства характера, а образцы поведения и практик взаимоотношений между полами (или внутри полов) делают возможным доминирующее положение мужчин над женщинами (или исключительное положение в сугубо мужском сообществе). При этом если мужчина и не демонстрирует своим поведением сильную приверженность маскулинной доминанте (например, патриархальной, как кормильца семьи), но солидарен с ней, то можно говорить о «соучастующей маскулинности» (*complicit masculinity*) [Connell, Messerschmidt 2005: 832]. Иными словами, модель «гегемонной маскулинности» «остаётся эффективным символическим средством осмысления существующих отношений власти между полами» [Мещеркина 2002: 16].

Гендер, власть и изменение гендерного порядка: поле для дискуссий и гипотез

Гендерные отношения в рамках теории социального конструктивизма подразумевают их властное измерение, при этом большинство ситуаций взаимодействия как в публичной, так и в приватной сфере демонстрируют неравенство между мужчинами и женщинами, которое воспринимается как естественное. Уэст и Зиммерман отмечают: «Если, создавая гендер, мужчины одновременно продуцируют господство, а женщины — подчинение, то социальный порядок, возникающий в результате этого, предположительно отражает “естественные различия” и в значительной степени усиливает и легитимирует иерархические отношения» [Уэст, Зиммерман 2000: 217]. Однако идея о социальном конструировании гендера влечёт за собой теоретическое обоснование возможности его изменения. Нарушение гендерного дисплея, с одной стороны, чревато социальной изоляцией, но, с другой — служит источником формирования новых «эмерджентных» норм. Иными словами, «гендерный дисплей может быть средством и подтверждения, и разрушения установленного гендерного порядка» [Здравомыслова, Тёмкина 2007: 32].

В ряде эмпирических исследований фиксируются некоторые факты, свидетельствующие о трансформации гендерной идентичности и представлений о ней. Так, например, психологами обнаруживается, что независимо от гендера респонденты с более высокими личными заработками ощущают свою «ценность» в глазах супруги или супруга, чувствуя бóльшую признательность (*more gratitude*) со стороны партнёра. При этом женщины, чьи заработки превышают доходы мужа, не испытывают негативных реакций [Deutsch, Roksa, Meeske 2003]. В эмпирических работах, посвящённых принципам разделения трудовой нагрузки между супругами в семье и за ее пределами, предполагается, что каждый дополнительный доллар, заработанный женщиной, имеет большее влияние на время, затраченное ею на выполнение домашних обязанностей, чем дополнительный доллар, заработанный мужчиной [Soberon-Ferrer, Dardis 1991; Cohen 1998; Phipps, Burton 1998; Brandon 1999]. С. Гупта на основе данных второй волны Национального опроса семей и домохозяйств США (The National Survey of Families and Households, 1992–1994)⁹ показывает, что наиболее важным фактором, детерминирующим объём работы, выполняемой женщиной по ведению домашнего хозяйства, является абсолютный размер ее индивидуального дохода. Он обнаруживает обратную зависимость, означающую, что увеличение личных заработков женщин ведет к уменьшению их занятости дома, и выдвигает гипотезу об автономии (*authonomy hypothesis*), которая подразумевает значительную степень экономической самостоятельности женщин в тех сферах семейной жизни, где ответственность нормативно закреплена за жёнами [Gupta 2007]. Такая интерпретация идёт вразрез и с ресурсным подходом, и с концепцией гендерного дисплея, в соответствии с которыми занятость женщин в быту объясняется либо относительным (то есть в сравнении с мужчиной) размером её денежного вклада в бюджет домохозяйства, либо компенсаторными гендерными механизмами. «Женщины, — заключает С. Гупта, — действуют как автономные экономические агенты в быту в той степени, насколько это обусловлено размером личного дохода» [Gupta 2007: 415].

⁹ Используется подвыборка замужних женщин с полной занятостью.

Что из этого следует? Логично предположить, что в вопросах и управления деньгами, и распределения финансовой власти в семье может обнаруживаться некоторая «автономия» жён. Проведённый нами предварительный анализ глубинных интервью российских пар (каждый из супругов опрашивался отдельно) показывает, что в случае, когда жена зарабатывает значительно меньше мужа, систему управления деньгами можно определить как «гибридную», когда «деньги мужа — общие, а жены — исключительно свои» («*his money is shared, but hers is hers alone*»). Женщина придаёт особую ценность собственному заработку, поскольку рассматривает его как средство для расширения своих прав и возможностей: она чувствует себя свободной в расходовании личных доходов на персональные нужды, тогда как мужчина исполняет роль кормильца семьи [Ibragimova, Guseva 2016: 15]. Это частично объясняет выявленные нами гендерные различия в восприятии сложившейся в семье системы управления финансами. При относительно высоком уровне среднедушевого дохода семьи женщины идентифицируют сложившуюся практику как независимое управление бюджетом, а мужчины с большей вероятностью, чем женщины, указывают на мужское доминирование в управлении семейными деньгами [Ибрагимова 2012: 48–49]. Дальнейшее развитие этой мысли приводит нас к идее о целесообразности смещения фокуса внимания с традиционной концептуализации финансовой власти как способности оказывать влияние и осуществлять контроль над расходами к автономии как способности «уходить» от контроля и сохранить некоторую независимость. Последние исследования семейного менеджмента показывают, что в постиндустриальных обществах возрастает доля семей, придерживающихся независимой системы управления бюджетом [Heimdal, Houseknecht 2003; Vogler 2005; Vogler, Brockmann, Wiggins 2006; Burgoyne et al. 2007; Ashby, Burgoyne 2008]. Мы же выдвигаем гипотезу о наличии комбинированной (гибридной) коллективно-индивидуальной (традиционно-прогрессивной) системы управления деньгами и распределения финансовой власти в российских семьях. Эта гипотеза базируется на исследованиях, подчеркивающих важность учета институционального контекста при изучении вопросов денег, власти и внутрисемейного неравенства [Treas 1993; Yodanis, Lauer 2007a; Lauer, Yodanis 2011; Lauer, Yodanis 2014; Yodanis, Lauer 2014].

Как известно, институт семьи и, соответственно, брачно-партнёрские отношения в последние десятилетия испытывают серьёзные трансформации, связанные со «вторым демографическим переходом». Его смысл заключается «в возрастающей ценности индивидуальной автономии и индивидуального права выбора», что характерно для современных демократических обществ. «Растущие доходы, экономическая и политическая защищённость, которые демократические государства всеобщего благосостояния предлагают своим населением <...> приводят к тому, что все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свободе выбора, личном развитии и индивидуальном стиле жизни, эмансипации, и это находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства» [Каа 1996: 425]. Меняются как формы брачно-партнёрских отношений (распространение таких форм, как гражданский брак, то есть проживание без регистрации, партнёрство без совместного проживания (*living apart together*), или LAT-партнёрство), так и их содержание: сам брак «мигрирует» от взаимозависимого союза двух людей, исполняющих социально определённые роли, к партнёрству двух относительно независимых индивидов [Giddens 1992; Coontz 2004]. Такая индивидуализация брака (*individualized marriage*) ведет к росту независимости супругов друг от друга в вопросах распоряжения денежными ресурсами, хотя здесь необходимо учитывать институциональный контекст [Lauer, Yodanis 2011; Ludwig-Mayerhofer et al. 2011]. В Венгрии и Испании, например, менее 1% пар придерживаются независимого управления бюджетом, в США — около 8%, в Финляндии — свыше 25% [Lauer, Yodanis 2011], при этом практика общего пула (или частичного пула) остаётся весьма распространённой.

Что касается России, то в процессе деинституционализации семейно-брачных отношений она стоит, как указывают демографы, особняком среди многих стран «по причине исторически более ранней секуляризации брака и распространения внебрачных союзов, ставшей результатом политики большеви-

ков после революции. Либерализация семейного законодательства в 1920–1930-х гг. создала в России условия для уникального — по мировым меркам — прецедента: равноправное сосуществование двух типов союзов — зарегистрированных браков и неформальных сожительства. Консенсуальные союзы были обычным явлением вплоть до Второй мировой войны, когда очередное изменение законодательства, на этот раз в рестриктивном направлении, затормозило процесс деинституционализации традиционного брака» [Станкуниене et al. 2010: 181–182]. В настоящее время, по мнению ряда исследователей, формальный союз теряет свою популярность, и «точка невозврата» к прежней модели брака для России уже близка [Захаров 2006].

Учёт институционального контекста при изучении управления деньгами и распределения власти в семье подразумевает взаимосвязь не только с процессами трансформации семейно-брачных отношений. Эмпирические межстрановые сравнительные исследования показывают, что такие факторы, как высокий уровень доходной дифференциации в стране, малая доля государственных расходов на социальные программы, а также идеологическая поддержка и оправдание экономического неравенства, влияют на внутрисемейные процессы, повышая вероятность неэгалитарных форм управления и контроля за бюджетом [Yodanis, Lauer 2007b]. Кроме того, немаловажное значение имеют структура рынка труда с точки зрения занятости мужчин и женщин и установки относительно гендерных норм (например, кто должен быть «кормильцем» семьи) [Yodanis, Lauer 2007b].

В последние годы часто говорят о «кризисе маскулинности» (см.: [Ashwin 2000; Здравомыслова, Тёмкина 2002; Deutsch, Roksa, Meeske 2003; Ashwin, Lytkina 2004; Sullivan 2004; Кон 2010] и др.), что означает прежде всего «кризис привычного гендерного порядка» [Кон 2010: 26], то есть «исторически заданных образцов властных отношений между мужчинами и женщинами» [Connell 1987: 98–99]. Его главная черта заключается в ослаблении дихотомизации мужских и женских ролей, индивидуализации и плюрализации, позволяющих людям выбирать стиль жизни и род занятий безотносительно к их половой (гендерной) принадлежности в соответствии с привычными нормативными предписаниями или вопреки им [Кон 2010: 27]. Изменения в структуре и содержании гендерной идентичности отражаются в установках и представлениях мужчин и женщин о самих себе, хотя эти процессы, как показывают исследования, идут неравномерно в разных странах и социально-демографических группах (см.: [Scott, Alwin, Braun 1996; Brewster, Padavic 2000; Allen, Webster 2001; Ferree 2010; Lee, Tufiş, Alwin 2010; Shu, Zhu, Zhang 2012] и др.). Эмпирические межстрановые исследования показывают, например, наличие существенных межкогортных различий в темпах этого либерального сдвига в установках населения США, Великобритании и Германии. При этом в Великобритании процессы трансформации происходят медленнее среди женщин, что связывается со структурными факторами (высокий уровень частичной занятости), обуславливающими манипулирование ответственностью в домашней и трудовой сферах [Scott, Alwin, Braun 1996].

Наблюдаются ли эти процессы в России, и если да, то как они проявляются? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо дать краткую характеристику советского гендерного порядка, который, учитывая роль государства в его формировании, исследователи называют этакратическим [Здравомыслова, Тёмкина 2003]. С одной стороны, он базировался (как минимум, декларативно) на идее равенства полов во всех сферах, в том числе и во внутрисемейных отношениях, когда решения относительно финансов, воспитания детей, проведения досуга и т. д. принимаются сообща. С другой стороны, воспроизводился биологический детерминизм, который наделял женственность и мужественность «специфическими» (то есть естественными), физическими и психологическими свойствами [Liljestrom 1993; Тёмкина, Роткирх 2002]. А. Роткирх называет такой гендерный порядок конвенциональным, имея в виду сохранение одних традиций (ценность материнства, разделение обязанностей внутри семьи) и разрушение других (экономическая зависимость женщины от мужа) [Rotkirch 2000: 132–133].

Дальнейшие процессы трансформации гендерных отношений по-разному оцениваются исследователями. Одни авторы делают вывод об усилении патриархальных тенденций в семейных отношениях [Watson 1993; Attwood 1997]. П. Уотсон подчёркивает, что «создание гражданского общества и рыночной экономики в Восточной Европе влечёт за собой построение “мира мужчин” и усиление маскулинности в общественной сфере. Принуждение женщин вернуться к домашней жизни, коммерциализация женственности, принижение женской идентичности — неизбежные составляющие данного процесса» [Watson 1993: 472]. По ее мнению, возвращение к патриархальности является не столько результатом целенаправленной политики, сколько следствием развития социальных сетей и неформальных связей, развивающихся в ответ на ослабление государственного контроля. В этих условиях традиционная гендерная идентичность (которая, кстати, не реализовывалась полностью при социализме) приобретает особую важность в качестве как ресурса для выживания, так и важного аспекта ностальгии по «нормальности» (так порой обозначают надежды на изменения, происходящие в посткоммунистических странах) [Watson 1993: 473]. Действительно, данные опроса, проведённого в рамках Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme — ISSP), модуль «Семья и изменение гендерных ролей» (2002 г.), показывают, что, хотя во всех постсоциалистических обществах доминирующими являются традиционные взгляды, Россия занимает в этом ряду особое место. Российские ответы занимают предпоследнее место (находясь между Тайванем и Филиппинами) среди согласившихся с тем, что «дело мужа — зарабатывать деньги, дело жены — вести домашнее хозяйство» (почти 60% населения). На другом полюсе расположились Скандинавские страны и Нидерланды, оказавшиеся в наибольшей степени затронутыми модернизационными процессами. Лишь около 10% населения этих стран являются носителями гендерно-асимметричных представлений¹⁰.

Другие исследователи, возражая, отмечают, что вряд ли можно говорить об однонаправленном движении российского общества к патриархальности. «При более внимательном анализе обнаруживаются растущая напряжённость между традиционными и модернистскими взглядами на распределение семейных ролей и крайняя противоречивость, внутренняя конфликтность представлений о мужественности и женственности» [Здравомыслова 2009]. Эти тенденции проявляются прежде всего в существовании как эгалитарных норм, так и ценностей индивидуализма, обусловленных ориентацией представителей обоих полов на экономическую независимость и карьерный успех. Исследователи обращают внимание на формирование новых гендерных контрактов — «работающей матери, женщины, ориентированной на карьеру, домохозяйки (и мужчины-кормильца) и спонсорского контракта» [Тёмкина, Роткирх 2002: 8]. Трансформация этакратического гендерного порядка влечёт за собой и изменения в представлениях о мужественности. Некоторые авторы выделяют как минимум четыре варианта семейной идентичности современного российского мужчины [Здравомыслова 2006]. Традиционные представления о гендерной идентичности можно поэтому интерпретировать не только как проявление «ренессанса» семейного патриархата, но и как стратегию совладания с ситуацией [Здравомыслова 2001: 480], поддержания внешней стабильности в быстро меняющихся условиях, «одну из мифологем современного массового сознания, рождённую стремлением опереться на семью в обществе, где все остальные опоры поколеблены» [Здравомыслова 2009].

Иными словами, можно говорить об актуальности в России «патриархального культурного кода, построенного на принципе бинарных оппозиций (свой — чужой; начальник — подчиненный; глава семьи — домочадцы; кормилец — иждивенцы и т. д.)» [Мещеркина 2002: 24], и одновременно о конкуренции старого и нового гендерных порядков, что порождает, с одной стороны, многовариантность, проявляющуюся в возникновении альтернативных (автономных) практик внутрисемейных отношений, а с другой — неопределённость, социально-психологические проблемы и трудности, связанные с изменением гендерных границ [Тёмкина, Роткирх 2002; Здравомыслова 2006; Кон 2010]. Так, напри-

¹⁰ См. подробнее: URL: http://sophist.hse.ru/img/pdf/N07/sofist7_rus.pdf

мер, эмпирические исследования показывают, что утрата мужчиной работы и, как следствие, статуса кормильца семьи приводит его к двойной маргинализации — как в связи с положением на рынке труда, так и в сфере семейных отношений, причём это особо остро проявляется в низкодоходных группах [Ashwin, Lytkina 2004]. На основе анализа глубинных интервью с мужчинами среднего возраста и разного социального статуса М. Киблицкая делает вывод о том, что в этой ситуации возможны два варианта развития внутрисемейных отношений: либо изменение представления о своей гендерной роли и признание иной субординации в механизме власти — подчинения, либо сопротивление, проявляющееся в повышенной агрессивности [Kiblitskaya 2000: 103].

Заключение

Изучение распределения финансовой власти в домохозяйствах затрагивает целый комплекс фундаментальных вопросов, связанных не только с концептуализацией самого понятия «власть», но и с подходами к пониманию денег, гендера, семьи, норм и ценностей, поскольку, как показывают исследования, именно финансовые вопросы оказываются на «передовой» в спектре конфликтов между супругами и причин разлада отношений [Dew, Britt, Huston 2012; Lippe, Voorpostel, Hewitt 2014]. В данной статье мы попытались очертить теоретические рамки для последующего конструирования ключевых гипотез. Целью нашего дальнейшего эмпирического исследования, базирующегося на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ) НИУ ВШЭ, является оценка гендерного профиля, факторов гендерного неравенства в вопросах управления бюджетом и финансовой власти в семье, а также обнаружение причин гендерных различий в восприятии сложившейся в семье системы финансовой власти.

Литература

- Беккер Г. С. 2003. *Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Бурдьё П. 2005. Мужское господство. Пер. с фр. Ю. В. Марковой. В кн.: Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. Пер. с фр. Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии (Серия «Gallicinium»); 286–364.
- Бурдьё П. 2007а. О символической власти. В кн.: Бурдьё П. *Социология социального пространства*. Пер. с фр., отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя (Серия «Gallicinium»); 87–96.
- Бурдьё П. 2007б. Социальное пространство и символическая власть. В кн.: Бурдьё П. *Социология социального пространства*. Пер. с фр., отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя (Серия «Gallicinium»); 64–86.
- Захаров С. 2006. Брачность в России: история и современность. *Полит.РУ*. 2 ноября. URL: <http://polit.ru/article/2006/11/02/demoscope261/#r6>
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. 2002. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе. В сб.: Ушакин С. (сост.) *О муже(Н)ственности*. М.: НЛЮ; 432–451.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. 2003. Советский этакратический гендерный порядок. В сб.: Пушкарёва Н. Л. (ред.) *Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 436–463.

- Здравомыслова Е., Тёмкина А. 2007. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования. В кн.: Здравомыслова Е., Тёмкина А. (отв. ред.) *Российский гендерный порядок. Социологический подход*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 9–33.
- Здравомыслова О. М. 2001. Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин. В сб.: Малышева М. (ред.) *Гендерный калейдоскоп. Курс лекций*. М.: Academia; 473–489.
- Здравомыслова О. М. 2006. *Семья: из прошлого — в будущее*. Интернет-конференция «Гендерные стереотипы в современной России». URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16209413/>
- Здравомыслова О. 2009. Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России. *Полит. РУ*. 24 сентября. URL: http://polit.ru/article/2009/09/24/gender/#_edn4
- Зелизер В. 2004. *Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Ибрагимова Д. 2012. Кто управляет деньгами в российских семьях? *Экономическая социология*. 13 (3): 22–56. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255786111/ecsoc_t13_n3.pdf#page=22
- Кон И. С. 2010. Маскулинность в меняющемся мире. *Вопросы философии*. 5: 25–35.
- Ледяев В. Г. 1998. Власть, интерес и социальное действие. *Социологический журнал*. 1–2: 79–94.
- Ледяев В. Г. 2001. *Власть: концептуальный анализ*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Мещеркина Е. Ю. 2002. Социологическая концептуализация маскулинности. *Социологические исследования*. 11: 15–25.
- Поллак Р. 1994. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства. *THESIS*. 6: 50–76; см. также: Pollak R. 1985. A Transactional Cost Approach to Families and Households. *Journal of Economic Literature*. 23 (2): 581–605.
- Станкуниене В. et al. 2010. Переход к новой модели формирования брачно-партнёрских союзов во Франции, Литве и России. В сб.: Захаров С. В., Прокофьева Л. М., Синявская О. В. (науч. ред.) *Эволюция семьи в Европе: Восток — Запад* М.: Независимый институт социальной политики; 174–231.
- Тёмкина А., Роткирх А. 2002. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России. *Социологические исследования*. 11: 4–15.
- Уэст К., Зиммерман Д. 2000. Создание гендера. В кн.: Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин»; 193–219.
- Allen S., Webster P. 2001. When Wives Get Sick: Gender Role Attitudes, Marital Happiness, and Husbands' Contribution to Household Labor. *Gender and Society*. 15 (6): 898–916.
- Ashby K., Burgoyne C. 2008. Separate Financial Entities? Beyond Categories of Money Management. *Journal of Socio-Economics*. 3: 458–480.

- Ashwin S. (ed.). 2000. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge.
- Ashwin S., Lytkina T. 2004. Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization. *Gender and Society*. 18: 189–206.
- Attwood L. 1997. The Post-Soviet Woman in the Move to the Market: A Return to Domesticity and Dependence? In: Marsh R. (ed.). *Women in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge University Press; 255–266.
- Barker R., Roberts H. 1993. The Uses of the Concept of Power. In: Morgan D., Stanley L. (eds). *Debates in Sociology*. Manchester: Manchester University Press; 195–224.
- Benton T. 1991. Objective Interests and the Sociology of Power. *Sociology*. 15: 161–184.
- Blood R., Wolf D. 1960. *Husbands and Wives*. New York: New York Free Press.
- Blumstein P., Schwartz P. 1991. Money and Ideology: Their Impact on Power and the Division of Household Labor. In: Blumberg R. L. (ed.). *Gender, Family, and Economy: The Triple Overlap*. Thousand Oaks; Newbury Park, CA: SAGE Publications, Inc.; 261–288.
- Bradshaw A. 1976. Critical Note: A Critique of Steven Lukes' "Power: A Radical View". *Sociology*. 10 (1): 121–128.
- Brandon P. 1999. Income-Pooling Arrangements, Economic Constraints, and Married Mothers' Child Care Choices. *Journal of Family Issues*. 20: 350–370.
- Brannen J., Moss P. 1991. *Managing Mothers*. London: Unwin Hyman.
- Brewster K., Padavic I. 2000. Change in Gender-Ideology, 1977–1996: The Contributions of Intracohort Change and Population Turnover. *Journal of Marriage and Family*. 62: 477–487.
- Brines J. 1994. Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home. *American Journal of Sociology*. 100 (3): 652–688.
- Burgoyne C. 1990. Money in Marriage: How Patterns of Allocation Both Reflect and Conceal Power. *The Sociological Review*. 38: 634–665.
- Burgoyne C. 2008. Introduction: Special Issue on the Household Economy. *Journal of Socio-Economics*. 37: 455–457.
- Burgoyne C., Morison V. 1997. Money in Remarriage: Keeping Things Simple — and Separate. *The Sociological Review*. 45 (3): 363–395.
- Burgoyne C. et al. 2007. Money Management Systems in Early Marriage: Factors Influencing Change and Stability. *Journal of Economic Psychology*. 28: 214–228.
- Clarke S. 2002. Budgetary Management in Russian Households. *Sociology*. 36 (3): 539–557.
- Cohen P. 1998. Replacing Housework in the Service Economy: Gender, Class, and Race-Ethnicity Service Spending. *Gender & Society*. 12: 219–231.

- Connell R. 1987. *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford: Stanford University Press.
- Connell R. 2005. *Masculinities*. 2nd ed. Cambridge: Polity Press.
- Connell R., Messerschmidt J. 2005. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept. *Gender and Society*. 19: 829–859.
- Coontz S. 2004. The World Historical Transformation of Marriage. *Journal of Marriage and Family*. 66 (4): 974–979.
- Deutsch F., Roksa J., Meeske C. 2003. How Gender Counts When Couples Count Their Money. *Sex Roles*. 48 (7/8): 291–304.
- Dew J., Britt S., Huston S. 2012. Examining the Relationship Between Financial Issues and Divorce. *Family Relations*. 61 (4): 615–628.
- Dobbelsteen S., Kooreman P. 1997. Financial Management, Bargaining and Efficiency Within The Household; An Empirical Analysis. *De Economist*. 145 (3): 345–366.
- Elizabeth V. 2001. Managing Money, Managing Coupledness: A Critical Examination of Cohabitants' Money Management Practices. *Sociological Review*. 49: 389–411.
- Ferree M. 1990. Beyond Separate Spheres: Feminism and Family Research. *Journal of Marriage and Family*. 52: 866–884.
- Ferree M. 2010. Filing the Glass: Gender Perspectives on Families. *Journal of Marriage and Family*. 72: 420–439.
- Foucault M. 1994. The Subject and Power. In: Foucault M. *Power. Essential works of Foucault, 1954–1984*. Vol. 3. New York: The New Press; 326–348.
- Giddens A. 1992. *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford: Stanford University Press.
- Goffman E. 1976. Gender Display. *Studies in the Anthropology of Visual Communication*. 3: 69–77.
- Gummerson E., Schneider D. 2013. Eat, Drink, Man, Woman: Gender, Income Share and Household Expenditure in South Africa. *Social Forces*. 91 (3): 813–836.
- Gupta S. 2007. Autonomy, Dependence, or Display? The Relationship Between Married Women's Earnings and Housework. *Journal of Marriage and Family*. 69 (2): 399–417.
- Heimdal K., Houseknecht S. 2003. Cohabiting and Married Couples' Income Organization: Approaches in Sweden and the United States. *Journal of Marriage and Family*. 65: 525–538.
- Heimdal K., Houseknecht S. 2003. Cohabiting and Married Couples' Income Organization: Approaches in Sweden and the United States. *Journal of Marriage and Family*. 65: 525–538.

- Ibragimova D., Guseva A. 2016 (Forthcoming). Who Is in Charge of Family Finances in the Russian Two-earner Households. *Journal of Family Issues*. Published online before print. 2015. December 30. URL: <http://jfi.sagepub.com/content/early/2015/12/24/0192513X15623588.abstract>
- Kaa D. van de. 1996. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into Determinants of Fertility. *Population Studies*. 50 (3): 389–432.
- Kenney C. 2006. The Power of the Purse. Allocative Systems and Inequality in Couple Households. *Gender & Society*. 20 (3): 354–381.
- Kiblitckaya M. 2000. 'Once We Were Kings': Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia. In: Ashwin S. (ed.). *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge; 90–104.
- Kirchler E. 1995. Studying Economic Decisions Within Private Households: A Critical Review and Design for a «Couple Experiences Diary». *Journal of Economic Psychology*. 16: 393–419.
- Kirchler E. et al. 2001. *Conflict and Decision Making in Close Relationships*. Hove: The Psychology Press.
- Komter A. 1989. Hidden Power in Marriage. *Gender and Society*. 3 (2): 187–216.
- Komter A. 1991. Gender, Power and Feminist Theory. In: Davis K., Leijenaar M., Oldersma J. (eds). *The Gender of Power*. London: SAGE Publications, Inc.
- Lauer S., Yodanis C. 2011. Individualized Marriage and the Integration of Resources. *Journal of Marriage and Family*. 73: 669–683.
- Lauer S., Yodanis C. 2014. Money Management, Gender, and Households. In: Treas J., Scott J., Richards M. (eds). *The Sociology of Families*. Chichester: John Wiley & Sons, Inc.
- Lee K., Tufiş P., Alwin D. 2010. Separate Spheres or Increasing Equality? Changing Gender Beliefs in Postwar Japan. *Journal of Marriage and Family*. 72: 184–201.
- Liljestrom M. 1993. The Soviet Gender System: The Ideological Construction of Femininity and Masculinity in the 70's. In: Liljestrom M., Mantysaari E., Rosenholm A. (eds). *Gender Restructuring in Russian Studies*. Tampere: Slavica Tamperensia II; 163–174.
- Lippe T. van der, Voorpostel M., Hewitt B. 2014. Disagreements Among Cohabiting and Married couples in 22 European Countries. *Demographic Research*. 31 (10): 247–274.
- Ludwig-Mayerhofer W. et al. 2011. The Power of Money in Dual-Earner Couples: A Comparative Study. *Acta Sociologica*. 54 (4): 367–383.
- Lukes S. 1974. *Power: A Radikal View*. New York: Palgrave.
- Lukes S. 2005. *Power: A Radikal View*. 2nd ed. New York: Palgrave Macmillan.
- Ott N. 1992. *Intrafamily Bargaining and Household Decisions*. New York: Springer Verlag.

- Pahl J. 1983. The Allocation of Money and the Structuring of Inequality Within Marriage. *The Sociological Review*. 31 (2): 237–262.
- Phillips A. 1993. *Democracy and Difference*. Cambridge: Polity Press.
- Phipps S., Burton P. 1998. What's Mine is Yours? The Influence of Male and Female Incomes on Patterns of Household Expenditure. *Economica*. 65: 599–613.
- Raven B., Centers R., Rodrigues A. 1975. The Bases of Conjugal Power. In: Cromwell R. S., Plson D. H. (eds) *Power in Families*. New York: Halstead; 217–234.
- Rotkirch A. 2000. *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. University of Helsinki, Department of Social Policy. Research Report 1/2000.
- Schneider D. 2012. Gender Deviance and Household Work: The Role of Occupation. *American Journal of Sociology*. 117: 1029–1072.
- Scott J., Alwin D., Braun M. 1996. Generational Changes in Gender-Role Attitudes: Britain in a Cross-National Perspective. *Sociology*. 30 (3): 471–492.
- Shu X., Zhu Y., Zhang Z. 2012. Patriarchy, Resources, and Specialization: Marital Decision-Making Power in Urban China. *Journal of Family Issues*. 34 (7): 885–917.
- Soberon-Ferrer H., Dardis R. 1991. Determinants of Household Expenditures for Services. *Journal of Consumer Research*. 17: 385–397.
- Sullivan O. 2004. Changing Gender Practices Within the Household: A Theoretical Perspective. *Gender and Society*. 18 (2): 207–222.
- Tichenor V. 1999. Status and Income as Gendered Resources: The Case of Marital Power. *Journal of Marriage and Family*. 61 (3): 638–650.
- Treas J. 1993. Money in the Bank: Transaction Costs and the Economic Organization of Marriage. *American Sociological Review*. 58: 723–734.
- Treas J., Tai T. 2012. How Couples Manage the Household: Work and Power in Cross-National Perspective. *Journal of Family Issues*. 33 (8): 1088–1116.
- Vogler C. 1998. Money in the Household: Some Underlying Issues of Power. *The Sociological Review*. 4 (46): 687–713.
- Vogler C. 2005. Cohabiting Couples: Rethinking Money in the Household at the Beginning of the Twenty First Century. *Sociological Review*. 53: 1–29.
- Vogler C., Brockmann M., Wiggins R. 2006. Intimate Relationships and Changing Patterns of Money Management at the Beginning of the Twenty First Century. *British Journal of Sociology*. 57: 455–482.
- Vogler C., Lyonette C., Wiggins R. 2008. Money, Power and Spending Decisions in Intimate Relationships. *The Sociological Review*. 56 (1): 117–143.

Watson P. 1993. Eastern Europe's Silent Revolution: Gender. *Sociology*. 27: 471–487.

Yodanis C., Lauer S. 2007a. Economic Inequality In and Outside of Marriage: Individual Resources and Institutional Context. *European Sociological Review*. 23 (5): 573–583.

Yodanis C., Lauer S. 2007b. Managing Money in Marriage: Multilevel and Cross-National Effects of the Breadwinner Role. *Journal of Marriage and Family*. 69 (5): 1307–1325.

Yodanis C., Lauer S. 2014. Is Marriage Individualized? What Couples Actually Do. *Journal of Family Theory & Review*. 6: 184–197.

PROFESSIONAL REVIEWS

Dilyara Ibragimova

Money, Gender, and Power in Households: Conceptual Approaches

IBRAGIMOVA, Dilyara —

Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Deputy Head, Department of Economic Sociology, School of Sociology; Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnienskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: dibragimova@hse.ru

Abstract

The bulk of the literature on processes related to the triad of *money–power–inequality* highlight power as the main driver. Given the causal relations, this view can be considered logical and reasonable. If research into these processes deals with the family (household) as an actor, the research appears to be enriched (more complex). As households often consist of men and women, biological sex and culturally constructed gender should be taken into account. Most researchers focusing on gender issues agree that gender relationships imply power relations. What is peculiar about family power relations and how are they related to money management? This article aims to depict the main perspectives related to the conceptualization of the indicated notions as well as, in part, their empirical operationalization. The first part of this article reviews power patterns developed by Steven Lukes, Michel Foucault, and Pierre Bourdieu and discusses issues related to definitions of “financial power” and its operationalization when applied to family relationships. The

second part deals with economic and sociological concepts that reveal and explain the determinants of power relationships. The third part analyzes ongoing changes in the gender order and their potential effects on the structure of power functions in the family.

Keywords: power; gender; money; inequality; household; sociology of financial behavior.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2015–2016 (grant № 15-01-0066) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

References

- Allen S., Webster P. (2001) When Wives Get Sick: Gender Role Attitudes, Marital Happiness, and Husbands' Contribution to Household Labor. *Gender and Society*, vol. 15, no 6, pp. 898–916.
- Ashby K., Burgoyne C. (2008) Separate Financial Entities? Beyond Categories of Money Management. *Journal of Socio-Economics*, no 3, pp. 458–480.
- Ashwin S. (ed.). (2000) *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, London: Routledge.
- Ashwin S., Lytkina T. (2004) Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization. *Gender and Society*, no 18, pp. 189–206.

- Attwood L. (1997) The Post-Soviet Woman in the Move to the Market: A Return to Domesticity and Dependence? *Women in Russia and Ukraine* (ed. R. Marsh), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 255–266.
- Barker R., Roberts H. (1993) The Uses of the Concept of Power. *Debates in Sociology* (eds. D. Morgan, L. Stanley), Manchester: Manchester University Press, pp. 195–224.
- Becker G. (2003) *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human Behavior: Economical Approach. Selected Works on Economic Theory], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Benton T. (1991) Objective Interests and the Sociology of Power. *Sociology*, no 15, pp. 161–184.
- Blood R., Wolf D. (1960) *Husbands and Wives*, New York: New York Free Press.
- Blumstein P., Schwartz P. (1991) Money and Ideology: Their Impact on Power and the Division of Household Labor. *Gender, Family, and Economy: The Triple Overlap* (ed. R. L. Blumberg), Thousand Oaks; Newbury Park, CA: SAGE Publications, Inc., pp. 261–288.
- Bourdieu P. (2005) Muzhskoe gospodstvo [Masculine Domination]. Per. s fr. Y. V. Markovoy. *Bourdieu P. Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices] (translated from French, ed. N. A. Shmatko), Saint Petersburg: Aleteyya; Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii (Seriya "Gallicinium"), pp. 286–364 (in Russian).
- Bourdieu P. (2007a) O simvolicheskoy vlasti [On Symbolic Power]. *Bourdieu P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space] (translated from French, ed. N. A. Shmatko), Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteyya (Seriya «Gallicinium»), pp. 87–96 (in Russian).
- Bourdieu P. (2007b) Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power]. *Bourdieu P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space] (translated from French, ed. N. A. Shmatko), Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya (Seriya "Gallicinium"), pp. 64–86 (in Russian).
- Bradshaw A. (1976) Critical Note: A Critique of Steven Lukes' "Power: A Radical View". *Sociology*, vol. 10, no 1, pp. 121–128.
- Brandon P. (1999) Income-Pooling Arrangements, Economic Constraints, and Married Mothers' Child Care Choices. *Journal of Family Issues*, no 20, pp. 350–370.
- Brannen J., Moss P. (1991) *Managing Mothers*, London: Unwin Hyman.
- Brewster K., Padavic I. (2000) Change in Gender-Ideology, 1977–1996: The Contributions of Intracohort Change and Population Turnover. *Journal of Marriage and Family*, no 62, pp. 477–487.
- Brines J. (1994) Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home. *American Journal of Sociology*, vol. 100, no 3, pp. 652–688.
- Burgoyne C. (1990) Money in Marriage: How Patterns of Allocation Both Reflect and Conceal Power. *The Sociological Review*, no 38, pp. 634–665.

- Burgoyne C. (2008) Introduction: Special Issue on the Household Economy. *Journal of Socio-Economics*, no 37, pp. 455–457.
- Burgoyne C., Morison V. (1997) Money in Remarriage: Keeping Things Simple — and Separate. *The Sociological Review*, vol. 45, no 3, pp. 363–395.
- Burgoyne C., Reibstein J., Edmunds A., Dolman V. (2007) Money Management Systems in Early Marriage: Factors Influencing Change and Stability. *Journal of Economic Psychology*, no 28, pp. 214–228.
- Clarke S. (2002) Budgetary Management in Russian Households. *Sociology*, vol. 36, no 3, pp. 539–557.
- Cohen P. (1998) Replacing Housework in the Service Economy: Gender, Class, and Race-Ethnicity Service Spending. *Gender & Society*, no 12, pp. 219–231.
- Connell R. (1987) *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*, Stanford: Stanford University Press.
- Connell R. (2005) *Masculinities*. 2nd ed. Cambridge: Polity Press.
- Connell R., Messerschmidt J. (2005) Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept. *Gender and Society*, no 19, pp. 829–859.
- Coontz S. (2004) The World Historical Transformation of Marriage. *Journal of Marriage and Family*, vol. 66, iss. 4, pp. 974–979.
- Deutsch F., Roksa J., Meeske C. (2003) How Gender Counts When Couples Count Their Money. *Sex Roles*, vol. 48, no 7/8, pp. 291–304.
- Dew J., Britt S., Huston S. (2012) Examining the Relationship Between Financial Issues and Divorce. *Family Relations*, vol. 61, no 4, pp. 615–628.
- Dobbelsteen S., Kooreman P. (1997) Financial Management, Bargaining and Efficiency Within The Household; An Empirical Analysis. *De Economist*, vol. 145, no 3, pp. 345–366.
- Elizabeth V. (2001) Managing Money, Managing Coupledness: A Critical Examination of Cohabitants' Money Management Practices. *Sociological Review*, no 49, pp. 389–411.
- Ferree M. (1990) Beyond Separate Spheres: Feminism and Family Research. *Journal of Marriage and Family*, no 52, pp. 866–884.
- Ferree M. (2010) Filing the Glass: Gender Perspectives on Families. *Journal of Marriage and Family*, no 72, pp. 420–439.
- Foucault M. (1994) The Subject and Power. Foucault M. *Power. Essential works of Foucault, 1954–1984*. Vol. 3, New York: The New Press, pp. 326–348.
- Giddens A. (1992) *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*, Stanford: Stanford University Press.
- Goffman E. (1976) Gender Display. *Studies in the Anthropology of Visual Communication*, no 3, pp. 69–77.

- Gummerson E., Schneider D. (2013) Eat, Drink, Man, Woman: Gender, Income Share and Household Expenditure in South Africa. *Social Forces*, vol. 91, no 3, pp. 813–836.
- Gupta S. (2007) Autonomy, Dependence, or Display? The Relationship Between Married Women's Earnings and Housework. *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, no 2, pp. 399–417.
- Heimdal K., Houseknecht S. (2003) Cohabiting and Married Couples' Income Organization: Approaches in Sweden and the United States. *Journal of Marriage and Family*, no 65, pp. 525–538.
- Heimdal K., Houseknecht S. (2003) Cohabiting and Married Couples' Income Organization: Approaches in Sweden and the United States. *Journal of Marriage and Family*, no 65, pp. 525–538.
- Ibragimova D. (2012) Kto upravlyaet den'gami v rossiyskikh sem'yakh? [Who Manages Money in Russian Families?] *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 3, pp. 22–56. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255786111/ecsoc_t13_n3.pdf#page=22 (accessed 15 March 2016) (in Russian).
- Ibragimova D., Guseva A. (2016. Forthcoming) Who Is in Charge of Family Finances in the Russian Two-earner Households. *Journal of Family Issues*. Published online before print December 30, 2015. Available at: <http://jfi.sagepub.com/content/early/2015/12/24/0192513X15623588.abstract> (accessed 15 March 2016).
- Kaa D. van de. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into Determinants of Fertility. *Population Studies*, vol. 50, no 3, pp. 389–432.
- Kenney C. (2006) The Power of the Purse. Allocative Systems and Inequality in Couple Households. *Gender & Society*, vol. 20, no 3, pp. 354–381.
- Kiblitckaya M. (2000) 'Once We Were Kings': Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* (ed. S. Ashwin), London: Routledge, pp. 90–104.
- Kirchler E. (1995) Studying Economic Decisions Within Private Households: A Critical Review and Design for a "Couple Experiences Diary". *Journal of Economic Psychology*, no 16, pp. 393–419.
- Kirchler E., Rodler C., Holzl E., Meier K. (2001) *Conflict and Decision Making in Close Relationships*, Hove: The Psychology Press.
- Komter A. (1989) Hidden Power in Marriage. *Gender and Society*, vol. 3, no 2, pp. 187–216.
- Komter A. (1991) Gender, Power and Feminist Theory. *The Gender of Power* (eds. K. Davis, M. Leijenaar, J. Oldersma), London: SAGE Publications, Inc.
- Kon I. S. (2010) Maskulinnost' v menyayushchemsya mire [Masculinity in Changing World]. *Voprosy filosofii*, no 5, pp. 25–35 (in Russian).
- Lauer S., Yodanis C. (2011) Individualized Marriage and the Integration of Resources. *Journal of Marriage and Family*, no 73, pp. 669–683.

- Lauer S., Yodanis C. (2014) Money Management, Gender, and Households. *The Sociology of Families* (eds. J. Treas, J. Scott, M. Richards), Chichester: John Wiley & Sons, Inc.
- Ledyaev V. G. (1998) Vlast', interes i sotsial'noe deystvie [Power, Interest, and Social Action]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, no 1–2, pp. 79–94 (in Russian).
- Ledyaev V. G. (2001) *Vlast': kontseptual'nyy analiz* [Power: A Concetualization], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) (in Russian).
- Lee K., Tufiş P., Alwin D. (2010) Separate Spheres or Increasing Equality? Changing Gender Beliefs in Post-war Japan. *Journal of Marriage and Family*, no 72, pp. 184–201.
- Liljestrom M. (1993) The Soviet Gender System: The Ideological Construction of Femininity and Masculinity in the 70's. *Gender Restructuring in Russian Studies* (eds. M. Liljestrom, E. Mantysaari, A. Rosenholm), Tampere: Slavica Tamperensia II, pp. 163–174.
- Lippe T. van der, Voorpostel M., Hewitt B. (2014) Disagreements Among Cohabiting and Married couples in 22 European Countries. *Demographic Research*, vol. 31, no 10, pp. 247–274.
- Ludwig-Mayerhofer W., Allmendinger J., Hirsland A., Schneider W. (2011) The Power of Money in Dual-Earner Couples: A Comparative Study. *Acta Sociologica*, vol. 54, no 4, pp. 367–383.
- Lukes S. (1974) *Power: A Radikal View*, New York: Palgrave.
- Lukes S. (2005) *Power: A Radikal View*. 2nd ed, New York: Palgrave Macmillan.
- Meshcherkina E. Yu. (2002) Sotsiologicheskaya kontseptualizatsiya maskulinnosti [Sociological Conceptualization of Masculinity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 15–25 (in Russian).
- Ott N. (1992) *Intrafamily Bargaining and Household Decisions*, New York: Springer Verlag.
- Pahl J. (1983) The Allocation of Money and the Structuring of Inequality Within Marriage. *The Sociological Review*, vol. 31, no 2, pp. 237–262.
- Phillips A. (1993) *Democracy and Difference*, Cambridge: Polity Press.
- Phipps S., Burton P. (1998) What's Mine is Yours? The Influence of Male and Female Incomes on Patterns of Household Expenditure. *Economica*, no 65, pp. 599–613.
- Pollak R. (1994) Transaktsionnyy podkhod k izucheniyu sem'i i domashnego khozyaystva [A Transactional Cost Approach to Families and Households]. *THESIS*, no 6, pp. 50–76 (in Russian); see also: Pollak R. (1985) A Transactional Cost Approach to Families and Households. *Journal of Economic Literature*, vol. 23, no 2, pp. 581–605.
- Raven B., Centers R., Rodrigues A. (1975) The Bases of Conjugal Power. *Power in Families* (eds. R. S. Cromwell, D. H. Plson), New York: Halstead, pp. 217–234.
- Rotkirch A. (2000) *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. University of Helsinki, Department of Social Policy. Research Report 1/2000.

- Schneider D. (2012) Gender Deviance and Household Work: The Role of Occupation. *American Journal of Sociology*, no 117, pp. 1029–1072.
- Scott J., Alwin D., Braun M. (1996) Generational Changes in Gender-Role Attitudes: Britain in a Cross-National Perspective. *Sociology*, vol. 30, no 3, pp. 471–492.
- Shu X., Zhu Y., Zhang Z. (2012) Patriarchy, Resources, and Specialization: Marital Decision-Making Power in Urban China. *Journal of Family Issues*, vol. 34, no 7, pp. 885–917.
- Soberon-Ferrer H., Dardis R. (1991) Determinants of Household Expenditures for Services. *Journal of Consumer Research*, no 17, pp. 385–397.
- Stankuniene V., Zakharov S., Maslauskayte A., Baublite M., Ren'e-Lual'e A. (2010) Perekhod k novoy modeli formirovaniya brachno-partnerskikh soyuzov vo Frantsii, Litve i Rossii [A Transition toward a New Model of Formation of Cohabiting and Married Couples in France, Lithuania, and Russia]. *Evolyutsiya sem'i v Evrope: Vostok — Zapad* [Family Evolution in Europe: East — West] (eds. S. Zakharov, L. Prokof'eva, O. Sinyavskaya), Moscow: Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki, pp. 174–231 (in Russian).
- Sullivan O. (2004) Changing Gender Practices Within the Household: A Theoretical Perspective. *Gender and Society*, vol. 18, no 2, pp. 207–222.
- Temkina A., Rotkirkh A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiya v sovremennoy Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 4–15 (in Russian).
- Tichenor V. (1999) Status and Income as Gendered Resources: The Case of Marital Power. *Journal of Marriage and Family*, vol. 61, no 3, pp. 638–650.
- Treas J. (1993) Money in the Bank: Transaction Costs and the Economic Organization of Marriage. *American Sociological Review*, no 58, pp. 723–734.
- Treas J., Tai T. (2012) How Couples Manage the Household: Work and Power in Cross-National Perspective. *Journal of Family Issues*, vol. 33, no 8, pp. 1088–1116.
- Vogler C. (1998) Money in the Household: Some Underlying Issues of Power. *The Sociological Review*, vol. 4, no 46, pp. 687–713.
- Vogler C. (2005) Cohabiting Couples: Rethinking Money in the Household at the Beginning of the Twenty First Century. *Sociological Review*, no 53, pp. 1–29.
- Vogler C., Brockmann M., Wiggins R. (2006) Intimate Relationships and Changing Patterns of Money Management at the Beginning of the Twenty First Century. *British Journal of Sociology*, no 57, pp. 455–482.
- Vogler C., Lyonette C., Wiggins R. (2008) Money, Power and Spending Decisions in Intimate Relationships. *The Sociological Review*, vol. 56, no 1, pp. 117–143.
- Watson P. (1993) Eastern Europe's Silent Revolution: Gender. *Sociology*, no 27, pp. 471–487.

- West C., Zimmerman D. (2000) Sozdanie gendera [Doing Gender]. *Khrestomatiya feministskikh tekstov. Per-evody* [Handbook of Feminist Texts. Translations] (eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina), Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin Publishing House, pp. 193–219 (in Russian).
- Yodanis C., Lauer S. (2007a) Economic Inequality In and Outside of Marriage: Individual Resources and Institutional Context. *European Sociological Review*, vol. 23, no 5, pp. 573–583.
- Yodanis C., Lauer S. (2007b) Managing Money in Marriage: Multilevel and Cross-National Effects of the Breadwinner Role. *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, no 5, pp. 1307–1325.
- Yodanis C., Lauer S. (2014) Is Marriage Individualized? What Couples Actually Do. *Journal of Family Theory & Review*, no 6, pp. 184–197.
- Zakharov C. (2006) Brachnost' v Rossii: istoriya i sovremennost' [Marriage-Rate in Russia: History and Modernity]. *Polit.RU*. 2 November. Available at: <http://polit.ru/article/2006/11/02/demoscope261/#r6> (accessed 16 March 2016) (in Russian)
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2002) Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [A Crises of Masculinity in the Late Soviet Discourse]. *O muzhe(N)stvennosti* [On Manhood] (ed. S. Ushakin), Moscow: New Literary Observer Publishing House, pp. 432–451 (in Russian).
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) Sovetskiy etakraticeskii gendernyy poryadok [The Soviet Etacratie Gender Order]. *Sotsial'naya istoriya* [Social History] (ed. N. L. Pushkareva). *Ezhegodnik. Zhenskaya i gendernaya istoriya* [Annual Handbook. Female and Gender History], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 436–463 (in Russian).
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2007) Sotsial'noe konstruirovaniye gendera kak metodologiya feministskogo issledovaniya [Social Construction of Gender as a Methodology of Feminist Research]. *Rossiyskiy gendernyy poryadok. Sotsiologicheskii podkhod* [The Russian Gender Order: A Sociological Perspective] (eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina), St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 9–33 (in Russian).
- Zdravomyslova O. M. (2001) Rossiyskaya sem'ya v 90-e gody: zhiznennyye strategii muzhchin i zhenshchin [The Russian Family in the 1990s: Life Strategies of Men and Women]. *Gendernyy kaleydoskop. Kurs lektsiy* [Gender Kaleidoscope. Lecture Course] (ed. M. Malysheva), Moscow: Academia, pp. 473–489 (in Russian).
- Zdravomyslova O. M. (2006) *Sem'ya: iz proshlogo — v budushchee* [The Family: From Past Toward Future]. Internet-konferentsiya “Gendernyye stereotipy v sovremennoy Rossii” [Online conference “Gender Stereotypes in Contemporary Russia”]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16209413/> (accessed 15 March 2016) (in Russian).
- Zdravomyslova O. (2009) Gendernyye issledovaniya kak opyt publichnoy sotsiologii v Rossii [Gender Studies as an Experience of Public Sociology in Russia]. *Polit.RU*. 24 September. Available at: http://polit.ru/article/2009/09/24/gender/#_edn4 (accessed 15 March 2016) (in Russian).
- Zelizer V. (2004) *Sotsial'noe znachenie deneg: den'gi na bulavki, cheki, posobiya po bednosti i drugie denezhnyye edinitsy* [The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Received: January 29, 2016.

Citation: Ibragimova D. (2016) Den'gi, gender, vlast' v domokhozyaystve: kontseptual'nye podkhody [Money, Gender, and Power in Households: Conceptual Approaches]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskay sotsiologiya*, vol. 17, no 2, pp. 116 145. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-2.html> (in Russian).